

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611>

Научная статья / Research article

Визуализация имперского пространства: опыт Центрально-Азиатского региона России

Д.В. Васильев^а, А.В. Рябов^б

^аМосковский городской педагогический университет;

129226, Россия, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4; dvvasiliev@mail.ru

^бСанкт-Петербургский университет государственной противопожарной службы МЧС России;
196105, Россия, Санкт-Петербург, Московский проспект, 149; ryboff@yandex.ru

The Visualization of Imperial Space: the Experience of the Central Asian Region of Russia

Dmitry V. Vasilyev^а, Aleksandr V. Ryabov^б

^аMoscow City University;

4, 2nd Selskohozyaistvenny Dr., Moscow, 129226, Russia; dvvasiliev@mail.ru

^бSaint Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia;
149, Moskovskiy Av., Saint-Petersburg, 196105, Russia; ryboff@yandex.ru

Аннотация: В работе рассматривается проблема визуализации имперского пространства на примерах встреч населения с представителями правящего дома Российской империи. В центре внимания – встречи коренных жителей российской Центральной Азии с туркестанским генерал-губернатором и наследником престола. Источниками статьи стали воспоминания очевидцев исследуемых событий, а также современные им публикации в средствах массовой информации. Они вербально и невербально воздействовали на публику, которая должна была стать причастной к публичным явлениям власти подданным. Поэтому основными методами исследования являются анализ содержания источников с целью выявления компонентов церемониалов, синхронный и диахронный методы, компаративный анализ, контент-анализ, а также дискурс-анализ, применяемый с целью интерпретации текстов и раскрываемых ими действий. Предложенная методология исследования обуславливает довольно обширное цитирование источников, позволяющее наглядно продемонстрировать основные приемы визуализации присутствия власти на окраинах государства на примере явления высших лиц империи народу. В статье приводятся и анализируются встречи туркестанского генерал-губернатора с населением в разные периоды времени, а также мероприятия, посвященные встрече наследника престола во время его путешествия по Дальнему Востоку и Сибири в 1891 г. Применение заявленных методов к описаниям этих мероприятий позволяет прийти к следующим выводам. Выстраивая связь между пропагандистскими мероприятиями первых лет советской власти и публичными церемониалами Российской империи, авторы выделяют принципиальные составляющие последних и доказывают, что подобные репрезентации власти были направлены на демонстрацию единения общества с монархией, ее силы и величия. Все эти мероприятия вполне укладывались в государственную идеологию «самодержавие – православие – народность» и служили ее укоренению в массах за незначительным изменением применительно к Туркестану. Там власти придерживались тактики игнорирования ислама и некоторого сдерживания православного прозелитизма, а потому центральный элемент триады минимизировался.

Ключевые слова: визуализация, церемониал, Центральная Азия, Туркестан, Степной край, Петроград, наследник престола, император, генерал-губернатор, репрезентация власти

© Васильев Д.В., Рябов А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Благодарности и финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00078.

Для цитирования: *Васильев Д.В., Рябов А.В.* Визуализация имперского пространства: опыт Центрально-Азиатского региона России // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 3. С. 591–611. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611>

Abstract: The present study investigates the visualization of the imperial space with examples of meetings of the population with representatives of the ruling house of the Russian Empire. The focus is on meetings of the indigenous people of Russian Central Asia with the Turkestan Governor General and the heir to the throne. The article is based on memories of eyewitnesses as well as on publications from that time. Public appearances verbally and nonverbally influenced the population. The present study is based on an array of methods, including the analysis of the sources to identify the components of the ceremonies, synchronous and diachronous methods, comparative analysis, content analysis, as well as discourse analysis. This research methodology and the rich source base from which we quote here elucidate the basic techniques for visualizing the presence of power on the outskirts of the state. The article analyzes the meetings of the Turkestan Governor General with the population at different time periods as well as the measures organized for the heir to the throne during his travels in the Far East and Siberia in 1891. For establishing a connection with propaganda activities of the first years of the Soviet regime, the authors highlight the fundamental components of these ceremonies in the Russian Empire. Such representations of power were aimed at demonstrating the unity of society and monarchy, in a display of strength and greatness. All these events conform to the state ideology “autocracy – orthodoxy – nationality,” with just a minor adaptation in relation to Turkestan. There, the authorities adhered to the tactics of ignoring Islam and limiting Orthodox proselytism, with the result that the role of the central element of the triad was minimized.

Keywords: visualization, ceremonial, Central Asia, Turkestan, Steppe Region, Petrograd, heir to the throne, emperor, governor general, representation of power

Acknowledgements and Funding: This research was supported by the RFBR in the framework of the scientific project No. 18-09-00078.

For citation: Vasilyev, Dmitry V., and Ryabov, Aleksandr V. “The Visualization of Imperial Space: The Experience of the Central Asian Region of Russia.” *RUDN Journal of Russian History* 19, no. 3 (August 2020): 591–611. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2020-19-3-591-611>

Введение

Визуализация имперского пространства, визуализация присутствия власти занимает важное место во внутренней политике государства. Особенно если речь идет о национальных окраинах – регионах, где местное население должно было постоянно ощущать присутствие высокой и могущественной власти, незримо наблюдающей за благополучием подданных, отвечающих ей благолепной благодарностью и бесконечной преданностью.

Довольно широко известна и описана наукой деятельность туркестанских генерал-губернаторов К.П. Кауфмана, М.Г. Черняева, Н.О. Розенбаха, А.Н. Куропаткина¹. Главные начальники Русского Туркестана предстают перед нами то в зените своей славы как хранители и созидатели новой цивилизационной реальности, то как случайные или неспособные люди, волею судеб оказавшиеся во главе обширного края, фактически занимавшего в Российской империи положение наместничества и к этому де-факто стремившегося. Есть публикации, с той или иной позиции освещающие деятельность российских администраторов в регионе². В них проанализи-

¹ *Васильев Д.В.* Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 годы) // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева*. Омск, 2005. С. 351–392; *Котюкова Т.В.* Алексей Николаевич Куропаткин – последний туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50.

² *Бахтурина А.Ю.* А.Н. Куропаткин и среднеазиатское восстание 1916 г. // *Юридическая наука: история и современность*. 2019. № 3. С. 65–74; *Брежнева С.Н.* Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне

рованы конкретные мероприятия высших представителей имперской власти на азиатской окраине. Ряд исследований посвящен образам, возникавшим у местного населения в результате цивилизационных преобразований, и у жителей Центральной России по мере освоения Туркестанского края³. В историографии получили оценку проблемы освещения в местной и общероссийской прессе событий, связанных с имперским присутствием в Центральной Азии⁴. Однако до сих пор обойдены вниманием вопросы, связанные с презентацией как верховной власти в Центральной Азии, так и ее представителя в регионе – главного начальника края.

При этом подобные вопросы в последнее время поднимаются в научной литературе⁵. Символику придворных церемониалов российской августейшей фамилии впервые системно исследовал Р. Уортман⁶, но он и другие исследователи⁷ обошли вниманием Центрально-Азиатский регион Российской империи и вопросы репрезентации верховной власти перед массой коренного населения.

Источниками для осмысления публичной репрезентации власти в Центрально-Азиатском регионе Российской империи служат воспоминания очевидцев исследуемых событий, а также, что более значимо, современные им публикации в средствах массовой информации. Они интересны тем, что не только вербальным, но и невербальным (через иллюстрации) способами воздействовали на читающую публику, которая должна была стать причастной к публичным явлениям власти подданным. Причем распространяемая информация распадается на два в той или иной степени взаимодействующих слоя – информацию, связанную с явлением власти народу (русским) и инородцам (жителям окраин государства). И для власти (издателя) бы-

---

военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: История России. 2014. № 1. С. 106–117; *Почкаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М., 2017.

³ *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2018. № 54. С. 17–26; *Васильева И.В., Васильев Д.В.* Образы жителей Туркестана и его завоевателей в литературных произведениях Н.Н. Каразина // Интернет-журнал «Науковедение». 2014. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/56PVN614.pdf> (доступ свободный); *Лисицына Н.Н.* Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова*. История и политология. 2014. № 2. С. 26–30.

⁴ *Алимджанов Б.А.* Дискуссии вокруг промышленной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве // *Исторический журнал: научные исследования*. 2017. № 1. С. 18–22; *Коновалов В.В., Макеев Д.А.* Средства массовой информации об освоении Россией среднеазиатских владений (середина 1870-х годов) // *Вестник ВлГУ*. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 7–13; *Крылова Е.Е.* Первые выставки среднеазиатских работ В.В. Верещагина в периодической печати и проблема интерпретации произведений туркестанского цикла // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 4. С. 335–342; *Шадманова С.Б.* Образ мусульманских учебных заведений на страницах периодической печати Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия»*. Уфа, 2016. С. 146–154.

⁵ *Захарова О.Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М., 2003; *Захарова О.Ю.* Государственный церемониал как программа власти. М., 2014; *Зимин И.В.* Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М., 2011. С. 102–146; *Волкова М.А.* Символы власти в русской художественной культуре XVIII века // *Вестник МГУКИ*. 2009. № 3. С. 74–77; *Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // *Вестник Томского государственного университета*. История. 2018. № 54. С. 17–26.

⁶ *Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004.

⁷ *Схиммельпэннинк ван дер Ойе Давид.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М., 2019.

ло важным донести до той самой читающей публики именно оба пласта информации. Причем чем глубже в инородческие районы (в Степь или в Туркестан) вдавалась власть, тем большую роль в церемониалах начинало играть коренное население, неуклонно демонстрируя лояльность монархии.

Весьма важным источником, передающим атмосферу и фиксирующим элементы церемониала, являются воспоминания генерал-майора Дмитрия Григорьевича Колокольцова (Колокольцева)⁸, служившего со второй половины 1860-х гг. штаб-офицером и командиром западного Сибирского линейного батальона, переименованного позднее в 10-й Туркестанский. Он являлся непосредственным участником описанных событий. Его мемуары, по вполне понятным причинам, не являются хроникальным описанием виденных событий. Однако можно смело доверять самым ярким эпизодам, которые двадцать лет хранила память боевого туркестанца. Во всяком случае его записи вполне отчетливо передают впечатление от сиятельных церемоний публичного явления высшей региональной власти в лице туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана. После Хивинского похода 1873 г. Д.Г. Колокольцов, получивший за эту экспедицию золотое оружие, вернулся в столицу, где служил еще десять лет в штабе Санкт-Петербургского военного округа. В 1884 г. вышел в отставку и написал воспоминания. То обстоятельство, что в 1873 г. он опубликовал свой дневник Хивинской экспедиции⁹, косвенно может свидетельствовать и о том, что воспоминания 1887 г. также базировались на современных записках автора.

В качестве источников из периодической печати привлекаются местные («Туркестанские ведомости») и центральные («Всемирная иллюстрация») средства массовой информации. «Туркестанские ведомости» были официальным массовым изданием при канцелярии туркестанского генерал-губернатора. С 1870 г. выходила еженедельно, а с 1893 г. – два раза в неделю. С 1870 г. по 1882 г. при «Туркестанских ведомостях» выходили приложения на казахском и сартском языках. В 1883 г. эти приложения были реорганизованы в «Туркестанскую газету» на сартском наречии, которая с 1887 г. выходила под заглавием «Туркестанская туземная газета». Издание газеты прекратилось в декабре 1917 г. Для нас это издание интересно тем, что, будучи рупором местной администрации, в ней особое внимание уделялось репутации генерал-губернаторской власти. И поэтому ее следует рассматривать как составную часть или, по крайней мере, как транслятор особо значимых мероприятий власти, в том числе церемониалов.

Одним из самых массовых научно-популярных и развлекательных изданий той поры был буржуазно-либеральный еженедельник «Всемирная иллюстрация», который издавался в Петербурге с 1869 по 1898 гг. тиражом до 10000 экз. Первое время текст в нем играл вспомогательную роль, разъясняя иллюстрации. Со временем слово заняло равноправную позицию, что нашло отражение в увеличении объема вербальной информации, в том числе о событиях, касавшихся императорского дома. Очевидно, что подобная информация интересовала читающую публику и обеспечивала приток подписчиков. Кроме того, не будем сбрасывать со счетов, что лояльность информации обеспечивала благосклонность властей. Добавим сюда, что незнакомые жителям больших городов темы окраин империи будоражили умы современников. Поэтому неслучайно столь весомое место, которое заняло на страницах «Всемирной иллюстрации» путешествие наследника-цесаревича Николая Александровича на Восток и по Сибири. И хотя от полуофициального издания не следу-

⁸ *Колокольцев Д.Г.* Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова 1887 года (О Константине Петровиче Кауфмане). М., 1887.

⁹ *Колокольцов Д.Г.* Экспедиция в Хиву в 1873 году: От Джизака до Хивы: Походный дневник полк. Колокольцова. СПб., 1873.

ет ожидать абсолютно объективного отражения картины события, представленные в нем сведения не только описывают важные, по мнению редакции, элементы церемониалов, сопровождавших это путешествие, но и формируют ощущения, которые должны были возникнуть у массового читателя.

Поэтому основными методами исследования станут анализ содержания источников с целью выявления компонентов церемониалов; синхронный метод, позволяющий выявить закономерности церемониалов, последовательно имевших место в короткий период времени; диахронный, дающий возможность сопоставить состав и характер мероприятий, сопровождавших встречи с представителями верховной власти в разное время; компаративный анализ, который способен выявить общее и особенное в мероприятиях одного порядка, реализовавшихся в разных регионах (субрегионах) Российской империи; контент-анализ, позволяющий предпринять качественный анализ содержания документов с целью выявления отраженных в них социальных фактов и тенденций; а также дискурс-анализ, применяемый с целью интерпретации текстов и раскрываемых ими действий, осуществляемых в конкретных общественно-политических обстоятельствах, обусловленных некими исходными фактами и преследующих конкретные цели.

Предложенная методология исследования обуславливает довольно обширное цитирование источников, позволяющее наглядно продемонстрировать основные приемы визуализации присутствия власти на окраинах государства на примере явления высших лиц империи народу.

Туркестанский генерал-губернатор как символ российской монархии

Важнейшее место в визуальной пропаганде идеологемы многонационального государства как родного дома для сотни народов отводилось присутствию и публичным встречам с представителями правящего дома. Конечно, присутствие империи обозначалось и другими маркерами – памятниками монархам и силой русского оружия, публичными зданиями и городской топонимикой. Но событиями всей жизни для подданных должны были стать чрезвычайно торжественно оформленные встречи с верховной государственной властью.

Причем применительно к Центральной Азии речь может идти не только о явлении августейших особ, но и о встречах туркестанских генерал-губернаторов (особенно первых), которые позиционировались как полноправные и полновластные представители государя императора.

Рассмотрение ритуалов встреч руководителей Туркестана с новыми подданными империи следует начать с момента учреждения в крае генерал-губернаторства. И первое место в этом ряду займут встречи местных жителей с первым главным начальником Русского Туркестана – Константином Петровичем Кауфманом. Планируя свой приезд в край, он решил въехать в него со стороны Западной Сибири через Семипалатинск, Копал и крепость Верную. Это было поистине небывалое действо. Не только войска, жители крепости Верной и принявшие российское подданство степняки, «...но и те, которые его еще не признавали, стекались со всех дальних степей к тем местам, где Кауфман должен был ехать, чтобы посмотреть, как они впоследствии сами говорили, большого пашу, присылаемого в край от Белого Царя. И сам Кауфман – не то, что все начальники, до него прибывавшие в край: он не отвергал делаемых ему высоких встреч и помп. Генерал-адъютант Кауфман, напротив, пред азиатским народом старался сохранять свое достоинство, как посланный от Великого Государя. Везде принимал он подносимый ему жителями хлеб-соль, всегда окруженный большой свитой начальствующих лиц и сопровождаемый молодецким конвоем отборной казачьей сотни...»¹⁰.

¹⁰ Колокольцев Д.Г. Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова... С. 20–21.

Современники триумфального въезда К.П. Кауфмана в Туркестан в 1867 г. подчеркивали, что «...с распространением по всей стране известия о появлении в край полномочного от Белого Царя, все степные жители всполошились, может быть и чрез влияние нашего начальства на старшин и беков этих народов; любопытство азиатцев было возбуждено желанием посмотреть большего пашу: только по пути Кауфмана все препятствия сгладились и везде его встречали с приветствиями.

Кауфман, по обыкновению, был на прекрасном коне верхом; за ним огромная свита начальствующих лиц военных со всех мест и, кроме того, им привезенных из Петербурга для разных служебных занятий; тоже много военных и гражданских чиновников, предназначенных им на разные должности, – затем туземные главные начальники и влиятельные личности; все в парадной одежде, в дарованных им от Русского Царя халатах бархатных разных ярких цветов, обшитых золотыми галунами. И все на своих великолепных конях, аргамаках, покрытых огромными чепраками, богато вышитых золотом. Все ехали на почтительном расстоянии от Кауфмана, и весь кортеж замыкал отборный, молодецкий казачий конвой со штандартом.

Нельзя не сознаться, что вся эта обстановка не производила самого сильного эффекта на степных жителей еще более и потому, что до назначения Кауфмана, ни одному из высших начальствующих лиц, приезжающих в край, ничего подобного не бывало оказываемо; а к этому, надо правду сказать, что ни один из высшего начальства никогда не мог так высоко себя обставить и произвести такого поразительного нравственного влияния на всю страну, как генерал-адъютант Константин Петрович фон-Кауфман. <...>

При этой великолепной погоде, которою этот край одарен – солнце всегда в полном блеске, вид войска представлялся величественным. Наши пушки конной батареи, освещенные солнцем, блестели, как чистое золото. Массы степного азиатского народа в несколько десятков тысяч людей, как стаи птиц, покрывали всю степь на дальнее пространство. По всем вероятностям в этот момент они ощущали всю гордость Российских воинов, встречающих своего главного начальника у стен охраняемой ими крепости»¹¹.

«...На версту, может быть, расстояния от построенных войск было устроено что-то такое вроде ставки, где жители должны были подносить хлеб-соль Кауфману. А вся прилежащая местность была, так сказать, запружена массою туземного народа.

Генерал-Адъютант Кауфман, приняв от жителей крепости хлеб-соль, приближался к строю войск шагом, верхом на коне. Он был одет в полную походную генерал-адъютантскую форму; за ним огромная кавалькада, составляющая его свиту... Такой торжественный въезд начальника чуждого края, на окраинах России, при сборище несметной массы туземных, степных жителей, представлял величественное зрелище...»¹².

Уже на следующий год генерал Кауфман проявил себя как успешный полководец, прославив свое имя завоеванием Самарканда и значительной прилегающей территории.

А в мае и июне 1870 г. главный начальник Туркестанского края посетил Семиреченскую область. «Г. Верный, главный город Семиреченской области, встретил генерал-губернатора также радушно, как встречали и все другие города Туркестанского края. Версты две за городом, поставлена была роскошно убранная беседка, сохранившаяся еще со времени прохода, устроенного генерал-губернатору в 1867 году в первый проезд его через Верный. В беседке встретили генерал-губернатора пред-

¹¹ Колокольцев Д.Г. Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова... С. 21–23.

¹² Там же. С. 24–25.

ставители здешнего городского населения, как русского, так и туземного: здесь были киргизы [казахи. – Д.В.], татары, сарты, калмыки и китайцы, проживающие в Верном по торговым делам. От беседки как генерал-губернатор, так и все сопровождавшие его лица и многие жители города отправились верхом к изящно убранной триумфальной арке с надписью: «Покорителю Самарканда». Здесь была устроена войсковая встреча»¹³.

Следует обратить внимание не только на то место, которое в публичных церемониях отводилось коренному населению, но и на то, каким образом себя позиционировали представители верховной власти. Создается впечатление, что они замещают собой саму верховную власть, позиционируя именно себя посредниками между народом и Господом. В этом отношении имперская администрация умело использовала веру людей в силу и мощь власть имущих. «Генерал-губернатор роздал несколько наград и подарков служащим лицам из туземцев. Огромная толпа народа (киргиз) собралась при этом зрелище, особенно возбуждавшем их интерес и живое любопытство. Жадно следили они за всеми движениями, вслушивались в каждое слово начальника края. Генерал-губернатор, выйдя к народу, сказал: «Желал бы я всех наградить, но исполнить этого не могу; всех наградить может только один Бог, я же награждаю только тех, о которых ходатайствует уездный начальник как о людях наиболее достойных»¹⁴. О величественном характере встреч представителей власти с местным населением, их особом позиционировании себя писали и современники: «27 июля начальник края прибыл в Ташкент, встреченный при въезде в город всеми служащими и войсками. Блистательная обстановка встречи невольно производила впечатление на каждого, а тем более на туземцев, во мнении которых власть немислима без пышности и величия. Памятью нынешней встречи генерал-губернатора останется на долгое время, выстроенная при въезде в город у моста через быстрый Боссу, деревянная русская изба со всеми затейливыми украшениями русских крестьянских построек. Эта изба, словно чудом выросшая в три дня посреди глиняных азиатских стен и мазанок, отныне будет приветливо встречать каждого, въезжающего в Ташкент, напоминая ему о дорогой далеко оставленной родине»¹⁵.

Власть использовала публичные церемонии для того, чтобы подчеркнуть свое особое отношение к тем представителям коренного населения, которые активно перешли на сторону новой администрации, доказав преданность империи и связав с нею свое будущее. «Принимая туземцев, генерал-губернатор обратился с особой лаской и вниманием к бывшему аксакалу города Саид-Ахмету, честному и уважаемому всеми старику, вполне преданному русским интересам. Сын Сеид-Ахмета Сеид-Ахрым был убит в сражении при Кара-Тюбе 27 мая в бухарскую кампанию 1868 года. Могила Сеид-Ахрыма находится в настоящее время при мечети в самаркандской цитадели, и генерал-губернатор, говоря с отцом убитого юноши, вспомнил о его храбрости и преданности русским. «Бог призвал его к себе, – говорил генерал-губернатор, – нам остается только сожалеть о его безвременной кончине и благодарить отца, который умел взрастить такого достойного сына». По представлению генерал-губернатора Сеид-Ахмед получил недавно звание почетного гражданина»¹⁶.

Туркестанское начальство отдавало себе отчет в том, какую цель преследуют церемониалы явления главного начальника края народу во время периодических объездов вверенных ему областей. И не скрывало, что каждое подобное мероприя-

¹³ Известия и заметки // Туркестанские ведомости. 1970. № 5. С. 29.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Там же. С. 29.

тие демонстрирует «...то огромное значение, какое имеет в Средней Азии лицо, стоящее во главе администрации Туркестанского края». Выход генерал-губернатора к народу во всем сиянии его власти, реальном и мнимом, способствовал, по мнению местных властей, укреплению в среде коренного населения убежденности в незыблемости российской власти: «Уже давно не новость, что русские победы привели к полной покорности все соседние ханства с их властителями, кичливо называющими себя потомками Чингиза и Тамерлана: но никогда эта зависимость не проявлялась так рельефно, как в нынешнее посещение г<осподином> генерал-губернатором Самарканда»¹⁷.

Речь идет о посещении К. Кауфманом Самарканда в 1870 г. вскоре после его двойного завоевания и присоединения к империи. Говоря о поездках главного начальника и сравнивая их с визитами грозных завоевателей прошлого, автор «Туркестанских Ведомостей» подчеркивал важнейшее, на его взгляд, отличие: «...теперь меньше страха, меньше опасений за целостность своей головы и наоборот: более надежд на ласковый прием начальника, на заветную награду – почетный халат. Вследствие этого – менее низкой раболепной угодливости; народ, еще не забытый и не задавленный вконец, начинает понемногу поднимать голову, видя, или, может быть, только смутно чувствуя, наступление иных, более отрадных времен, когда легче и свободнее живется, и каждый личный труд производительнее, и на всем, даже на всех мелочах, отражается свет занявшейся зари новой жизни»¹⁸.

Репортер выбрал стиль краткого изложения основных событий этой поездки, но тем не менее не смог не упомянуть о том, что «за несколько верст перед Джизакском встретили г<осподина> генерал-губернатора представители туземного джизакского населения и местной туземной администрации. Встретили, по обыкновению, хлебом-солью, расставив на столе в просторной палатке всевозможные припасы своей незатейливой стряпни и все сорта лакомств, какие только были в городе»¹⁹. Гораздо более красочно описал журналист приближение Кауфмана к Самарканду. Оно и понятно – Самарканд приобрел для всего региона символическое значение возмездия русских за измену. И именно въезд в этот город должен был выглядеть как преклонение пред мощью и неприступностью великой державы.

«На берегу Заравшана, в виду гор Чупан-ата, где происходила битва 1-го мая, решившая участь Самарканда, встретили в нынешний приезд самаркандские жители своего главного начальника. Весь отлогий берег Зеравшана, который здесь разбивается на несколько рукавов, был покрыт пестрыми толпами народа. Кроме почетных лиц туземной администрации, облаченных в жалованные халаты с широкими галунами, здесь находилась также масса, в буквальном смысле слова, туземного простонародья. В красивой палатке, где был накрыт завтрак, встретили г<осподина> генерал-губернатора, между прочим, бухарский посланник Яхья-ходжа, отправленный эмиром приветствовать г<осподина> генерал-губернатора при его въезде в Самарканд и беки окрестных бухарских бекств: зиауддинский, хатырчинский, шаарский и китапский. Брат бека Кермине приехал в Самарканд несколькими днями позже, а сам бек не мог быть по случаю болезни. За завтраком первый тост провозглашен был за здоровье государя императора; а после тостов за здоровье главного начальника края, его семейства и за здоровье г<осподина> военного губернатора генерала Головачева, г<осподин> генерал-губернатор поднял бокал «за здоровье нашего доброго соседа эмира бухарского»²⁰.

¹⁷ Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1870. № 17. С. 68.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 69.

Присутствие бухарской знати было использовано с максимальной эффективностью, чтобы закрепить военные успехи недавнего прошлого мощной демонстрацией силы русского оружия. «На маневрах, происходивших в Самарканде 24-го апреля в присутствии г<осподина> генерал-губернатора, приезжие бухарские гости могли видеть внушительную силу, превосходное обучение и стройный порядок войск самаркандского гарнизона. При них казаки неслись лавою в атаку, густыми массами в порядке передвигались батальоны, артиллерия выносилась на позицию и в ту же минуту открывала огонь. Беков изумляло до крайности все, что они видели на смотре, даже мелочи; например, они не могли понять, как могут батальоны ходить в ногу густой массой и не падать, или как могут солдаты на вольном шаге махать рукой ровно, однообразно и не производить тем никакого беспорядка в рядах товарищей»²¹.

На следующий день церемониал встречи туркестанского генерал-губернатора продолжился в Мараканде – той части древнего Самарканда, где когда-то стоял дворец Александра Македонского. Здесь был накрыт торжественный обед и устроено традиционное празднество. Надо признать, что сочетание европейской (войсковой парад) и местной (байга и др.) праздничных традиций пользовалось популярностью у всех слоев общества и имело высокий эффект: «Народный праздник на Калан Афросиаб начался байгой; толпы наездников бросились “рвать козла”²² – смелая и опасная игра, для которой нужны отличные ездоки и легкие привычные лошади. С вершины холма, на котором была разбита палатка для генерал-губернатора и его семейства, вся толпа состязавшихся была видна как на ладони. Действительно, можно было любоваться смелыми наездниками, которые, выхватив у кого-нибудь добычу, неслись с нею во весь опор, перескакивая на своих превосходных конях через все препятствия. В числе состязавшихся можно было отличить бека китабского Тохтамыш-инака по богато вышитому золотом чепраку²³ на его статном туркменском аргамаке²⁴. Удасть Тохтамыш-инака действительно обратила на себя общее внимание. На память об этом празднике г<осподин> генерал-губернатор подарил ему дорогой халат. Народное угощение закончило этот праздник ...3-го мая г<осподин> генерал-губернатор с семейством своим возвратился благополучно в Ташкент, и в деревне Ногай-курган был встречен как русским, так и туземным населением Ташкента»²⁵.

Спустя чуть более года, в июле – августе 1871 г., К.П. Кауфман вновь посетил Семиреченскую область. На сей раз на пути в недавно занятую Кульджу²⁶. И в этот приезд встреча высокого гостя была обставлена гораздо скромнее: «Г<осподин> генерал-губернатор прибыл в Верный 3-го августа, и был, как и в прошлом году, весьма радушно встречен в трех верстах от города городским населением как русским, так и туземцами, войсками и служащими лицами. В беседке при въезде в го-

²¹ Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1870. № 17. С. 69.

²² Козлодрание – кокпар (каз.), древняя игра коренных народов Центральной Азии, в которой всадники борются за тушу козла.

²³ Чепрак – суконная, ковровая или меховая подстилка под конское седло.

²⁴ Аргмак – породистая азиатская лошадь для верховой езды.

²⁵ Посещение г. генерал-губернатором Заравшанского округа // Туркестанские ведомости. 1870. № 17. С. 69.

²⁶ Васильев Д.В. Китайский вопрос в Русском Туркестане: к истории российской администрации в Илийском крае // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 449. С. 93–101; Почекаев Р.Ю. Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // Общество и государство в Китае. 2016. Т. 46. № 2. С. 531–542; Почекаев Р.Ю. Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4. С. 152–166.

род священник верненской церкви встретил начальника края краткой приветственной речью и затем отслужен был благодарственный молебен»²⁷.

Н.А. Маев сообщил: «При самом въезде в Кульджу встретили г<осподина> генерал-губернатора все войска, расположенные в городе. Генерал-губернатор проехал по фронту и благодарил за славный поход и строгую дисциплину, неуклонно соблюдавшуюся во все время военных действий. Улицы города, по которым ехал г<осподин> генерал-губернатор, были залиты народом. В разных местах, в верхних ярусах башен, напр<имер> при воротах бывшего султанского дворца, играла туземная музыка: гремел бубен, завывали длинные трубы; гармонии нечего было и искать в этих диких звуках! <...> Г<осподин> генерал-губернатор проехал по таранчинскому, дунганскому и китайскому базарам – трем отделениям одного общего городского базара. В одном месте базара внимание начальника края остановили звон и стук, раздававшиеся из лавки. Казалось, что тут находится в ходу огромная кузница, в действительности же здесь была буддийская молельня и ламы приветствовали звоном проезжавшего генерал-губернатора. Пойдя в молельню, г<осподин> генерал-губернатор внимательно осматривал ее невзрачную обстановку и все принадлежности буддийского богослужения. По его просьбе ламы прочли несколько молитв и сожгли в виде жертвоприношения несколько желтых бумажек. Это, по их объяснению, была молитва за государя императора»²⁸.

После войскового праздника и торжественного обеда 11 августа К.П. Кауфман по традиции раздал награды заслуженным представителям местного населения. Сообщалось при этом следующее: «...таранчи и киргизы получили богатые парчовые халаты, какие, вероятно, и не снились им никогда. Особенно киргизы [казахи. – Д.В.] пришли в восторг от этих наград. Дунганам, китайцам и кочевым монголам генерал-губернатор раздал взамен халатов ценные серебряные вещи. <...> Вслед за раздачей наград начался оживленный народный праздник. В беседке, разбитой против сада, где помещался г<осподин> генерал-губернатор, уселись перед низенькими китайскими столиками длинные ряды почетных лиц из туземцев»²⁹.

Официальные пропагандисты туркестанской власти особо подчеркивали единение всех народов вокруг российского начальства. Н.А. Маев по этому поводу сообщил: «По одной стороне сидели таранчи и между ними сын султана, а на другой – китайцы, дунгане, калмыки, сибо и другие монголы в своих оригинальных китайских нарядах. В ряду их сидел и старик дзянь-дзюнь... Толпы народа окружали беседку: тут смешивались в пестрой толпе все народности, населяющие Илийскую долину. В толпе резко выделялись также и белые рубахи наших солдат. Около беседки поместились туземные музыканты: китайцы и таранчи, и неподалеку, в стороне расположились кружки песенников – солдат». Праздник продолжился выступлением китайских и таранчинских музыкантов и певцов³⁰.

Конечно, нельзя было обойтись без благодарности покоренных народов. 19 августа К.П. Кауфман отправился обратно в Ташкент. А «накануне к начальнику края являлась депутация от дунган и китайцев, чтобы благодарить за взятие Кульджи, избавившее тысячи народа от верной гибели под ножом таранчей, а также за работы, частью уже начатые для пользы края»³¹.

Не менее пышно была обставлена встреча нового туркестанского генерал-губернатора М.Г. Черняева, который, спустя пятнадцать лет возвращался в край,

²⁷ Из Верного // Туркестанские ведомости. 1871. № 30. С. 120.

²⁸ Маев Н.А. Посещение г. генерал-губернатором Приилийского края // Туркестанские ведомости. 1871. № 38. С. 151.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

начало которому именно он и положил. Михаил Григорьевич триумфально въехал в Ташкент 5 октября 1882 г. «В этот день весь Ташкент был на ногах. Улицы раскрасились флагами. На пути следования Михаила Григорьевича при въезде в самый город, у поворота к обсерватории, поставлена была арка, украшенная зеленью, с лаконично, но много говорящей надписью: «8-го апреля 1866 г. – 5-е октября 1882 г.» Местные войска выстроились до генерал-губернаторского дома. На площади, против зданий учебных заведений, разместились воспитанники мужской гимназии, учительской семинарии и женской гимназии со своим начальством и преподавателями. Служащие собрались в большой зале генерал-губернаторского дома, у подъезда которого был поставлен почетный караул и ординарцы от всех частей войск. <...>

Многочисленная толпа жителей Ташкента стеклась встречать нового генерал-губернатора на окраину городских земель, где ожидали генерала Черняева начальник города полковник Пукалов и помощник его. Сарты встретили здесь любимого начальника своим обычным достарханом, а также, по русскому обычаю, поднесли ему хлеб-соль на серебряном блюде очень изящной туземной отделки. Тут сервирован был чай. Во время последнего киргизы и кураминцы начали свою байгу – игру, основанную на удалстве и исполняемую кочевниками при встрече почетных гостей. <...> Весь остальной путь главного начальника края был положительно торжественным шествием»³².

Итак, приведенные примеры акцентируют основные элементы церемоний явления туркестанского генерал-губернатора народу: пышность и яркость мероприятия, наличие внушительной свиты чиновников, демонстрация войск с участием оркестра, возведение триумфальных архитектурных сооружений малых форм, встреча с представителями коренного населения, подношение последним подарков и награждение наиболее отличившихся из местных жителей, а также организация народных увеселений в традиционном и российском духе. В зависимости от обстоятельств набор этих элементов мог несущественно варьироваться.

Путешествие наследника цесаревича по Сибири в 1891 г.

Для сравнения вышеприведенных сцен с более значимыми мероприятиями общегосударственного характера следует привести описание путешествия наследника цесаревича Николая Александровича по Сибири в 1891 г.

Первым крупным населенным пунктом на пути возвращавшегося из Японии наследника российского престола стал город Хабаровка (с 1893 г. – Хабаровск), куда он прибыл вечером 29 мая. Вот что сообщал источник: «Город был иллюминирован, народ неумолкаемо кричал “ура”, на воздух взвивались ракеты, гремели пушечные салюты. На пристани его императорское высочество был встречен начальствующими лицами и городской депутацией с головою, поднесшей хлеб-соль... 30-го мая е^{го} и императорскому высочеству наследнику цесаревичу представились начальники отдельных частей военного и гражданского управлений округа и канцелярии генерал-губернатора, а также корейская и китайская депутации; последняя поднесла его императорскому высочеству блюдо с надписью “От благодарных за гостеприимство”. <...> Здесь [в селе Вятском. – Д.В.] его императорскому высочеству представились депутации от городов Николаевска и Софийска, и от инородческого населения края, поднесшие хлеб-соль. Наследник цесаревич посетил церковь села Вятского; потом происходила очень оригинальная гонка гольдских³³ лодок, участниками которых были исключительно инородцы, на призы, пожертво-

³² Приезд нового генерал-губернатора генерал-лейтенанта М.Г. Черняева в Ташкент // Всемирная иллюстрация. 1882. № 727. С. 422.

³³ Гольды – нанайцы.

ванные его имп<ераторским> высочеством. По окончании гонки его имп<ераторское> высочество возвратился к 8 час<ам> вечера в Хабаровку, где в 10 час<ов> состоялся раут в доме генерал-губернатора; во время раута на берегу, против генерал-губернаторского дома, был зажжен щит с вензелем его имп<ераторского> высочества, из-за которого вылетело потом несколько сот ракет»³⁴. Столь скромная и краткая встреча цесаревича с представителями местного населения может свидетельствовать не только о малочисленности последнего и доминировании, во всех отношениях, малочисленных выходцев из внутренней России, но и о неразвитости местного народного управления.

Днем 4 июня наследник прибыл в Благовещенск, где нашел первую, возведенную в его честь, триумфальную арку. «Встреча его имп<ераторского> высочества в Благовещенске была самая восторженная. Пароход “Муравьев-Амурский” остановился у пристани при громе пушек и несмолкаемом “ура” народа, густыми массами стоявшего на берегу и улицах города, несмотря на непогоду. При выходе его и <мператорского> высочества на берег представители народа поднесли на серебряном блюде хлеб-соль, приветствуя с благополучным прибытием. От пристани до арки путь был устлан красным сукном, а по обеим сторонам стояли шпалерами дамы, воспитанники и воспитанницы местных учебных заведений; живые цветы усыпали путь его высочества. Далее от арки разместились справа гражданские чины и представители торговых фирм, а слева – военные чины»³⁵.

В этот и следующий день наследник много времени посвятил смотрам войск. «Далее был осмотрен павильон, устроенный Верхне-Амурской и Зейской золото-промышленными компаниями специально для его высочества..; около павильона расположились вожаки-орочены³⁶ с семействами, оленями и юртами»³⁷. Особое внимание, которое было уделено золотопромышленникам, свидетельствует не только о любопытстве цесаревича, но и об интересе верховной власти к этому виду хозяйственной деятельности в регионе.

Следующая триумфальная арка ждала будущего императора в Нерчинске, где специально была сооружена пристань, к которой и причалил пароход «Вестник» с Николаем Александровичем на борту. «Сюда были поданы экипажи, которые доставили его имп<ераторское> высочество с генерал-губернатором и свитой к триумфальной арке, устроенной у въезда в город. Наследник цесаревич был встречен здесь музыкой и пением “Славься”; исполнителями был оркестр и хор певчих. Депутация от городской думы с головою г<осподином> Шульгиным поднесла его имп<ераторскому> высочеству хлеб-соль на серебряном блюде, причем городской голова приветствовал августейшего гостя»³⁸.

Встречи же с коренным населением состоялись чуть позже – по пути из Нерчинска в Читу. Причем напоминало это, скорее, этнографический аттракцион, чем общение представителя монаршего рода с подданными. Обратимся к источнику: «На станции Князе-Береговой наследник цесаревич принял завтрак, предложенный тунгузами князя Гантимурова³⁹, в шатре. На станции Турино-Поворотной был назначен 16 июня ночлег, и буряты агинской управы устроили здесь его имп<ераторскому> высочеству великолепную встречу; переночевав в приготовлен-

³⁴ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 1 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1183. С. 205–206.

³⁵ Там же. С. 206.

³⁶ Ороконы – китайский кочевой народ Приамурья.

³⁷ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь... С. 206.

³⁸ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 3 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1184. С. 218.

³⁹ Гантимуровы – княжеский род даурского происхождения.

ных бурятами юртах, наследник цесаревич и его свита присутствовали утром на скачках бурят и затем направились к г. Чите». Умолчание о подарках от монаршей особы участникам мероприятия может показаться симптоматичным. Возможно, наследник еще не обвыкся с правилами посещения «инородцев». А может быть, не счел необходимым демонстрировать свое внимание без достаточного количества зрителей. Наконец, редактор, ради экономии журнальной площади, мог просто сократить соответствующий пассаж.

Хотя встреча в Чите репортером была названа «самой восторженной», описана она на журнальной полосе была более чем скромно. Осмотры войск, молебны, из чего-то необычного – посещение дацана. А встреча с местным коренным населением состоялась уже на пути к Иркутску: «...22 июня наследник цесаревич прибыл в Мысовую на берегу озера Байкала; здесь высокого путешественника ожидала торжественная встреча, в которой принимали участие иркутский генерал-губернатор, явившийся сюда, чтобы сопровождать наследника цесаревича в дальнейшем путешествии, и депутации от кяхтинского купечества и от инородцев, поднесшие хлеб-соль и адрес»⁴⁰.

В Иркутске цесаревича ждал «особенно торжественный прием» (о триумфальной арке не упоминается) и масса мероприятий, среди которых были осмотры войск, учебных заведений, местного музея и золотосплавочной лаборатории. Не исключено, что за значительностью собственно городского русского населения сложно было найти время для коренных жителей окрестных мест. Программа посещения Красноярска отличалась еще меньшим разнообразием⁴¹.

Томское начальство тоже не стало возводить триумфальные арки, но отметились тремя павильонами: у въезда в город, у часовни и на берегу р. Томи, откуда наследник отправился в Тобольск. Вот что сообщалось со страниц «Всемирной иллюстрации»: «Восторженные несмолкаемые крики “ура” многотысячной толпы приветствовали появление наследника цесаревича, который, приняв хлеб-соль от городского общества, прошел в павильон [на третьей версте от города. – Д.В.]. Через несколько минут его императорское высочество проследовал в город. Народ с громкими криками “ура” бросился за экипажем его императорского высочества, и, по мере приближения поезда к часовне Иверской Божией Матери, толпа росла все более и более. Крики народа слились в одно море звуков, и могучие волны его встречали и сопровождали наследника цесаревича». На следующий день, 6 июля, Николай Александрович «осчастливил своим посещением Томский университет». «По окончании осмотра университета, продолжавшегося полтора часа, наследник цесаревич, по пути, усыпанному цветами, и при восторженных криках учащейся молодежи, отбыл на проходе для дальнейшего следования через Сибирь»⁴².

14 июля наследник прибыл в Омск, главный город Акмолинской области, где был встречен областным начальством, городскими властями и местной публикой. И хотя репортер, готовивший журнальную публикацию об этом событии, упустил это из внимания, на пути следования цесаревича от пристани в Ильинскую церковь была возведена украшенная флагами триумфальная арка, о чем свидетельствует помещенная во «Всемирной иллюстрации» гравюра⁴³.

⁴⁰ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 3 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1184. С. 218.

⁴¹ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 4, 5 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1184. С. 218–219.

⁴² Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 6 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1185. С. 236–238.

⁴³ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 7 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1186. С. 252.

На следующий день в три часа дня Николай Александрович переправился на пароходе через Иртыш для осмотра расположенной на другом берегу казахской кочевки и устроенной рядом с ней казахской выставки. 16 июля он принял участие в закладке соборного храма, а уже через два дня прибыл в город Петропавловск: «В Петропавловске его имп<ераторское> высочество был встречен акмолинским губернатором и принял хлеб-соль от города, мещанского общества, магометанского духовенства, казаков Петропавловской станицы, находящейся смежно с городом, и акмолинского общественного управления; затем, удостоив своим присутствием торжество освящения нового городского училища, его императорское высочество отбыл в дальнейший путь к границам Оренбургской губернии»⁴⁴.

И далее: «Выехав из Петропавловска 18 июля, его императорское высочество государь наследник цесаревич 20 июля вступил в пределы Оренбургской губернии. На границе губернии Оренбургское казачье войско воздвигло триумфальную арку и здесь наследник цесаревич был встречен командующим войсками Казанского военного округа генерал-адъютантом Мещериновым, начальствующими лицами и различными депутациями с хлебом-солью. Обойдя почетный караул, его имп<ераторское> высочество отбыл по Оренбургскому тракту, сопровождаемый конвоем и сотней малолеток. По всему пути следования наследника цесаревича население станиц с восторгом встречало высокого путешественника»⁴⁵.

24 июля цесаревич ступил на землю Тургайской области. Обед и ночлег великого князя были назначены в здании Государственного коннозаводства в пяти верстах от Орска: «Для встречи его имп<ераторского> высочества к зданию Государственного коннозаводства собрались депутации от киргизского населения четырех уездов области: Илецкого, Киргизского [Иргизского. – Д.В.], Тургайского и Николаевского. Депутации эти состояли из волостных управителей, аульных старшин, судебных биев и аксакалов во главе с начальниками уездов и их младшими помощниками из киргизов. Депутаты были одеты в свои парадные национальные костюмы. В версте от здания Государственного коннозаводства по дороге в гор. Орск была устроена триумфальная арка в восточном вкусе, состоявшая из трех ворот и увенчанная куполами и башнями. Над средним куполом возвышался золоченый двуглавый орел, а над средними воротами были изображены вензеля государя императора, государыни императрицы и наследника цесаревича, украшенные гирляндами из цветов и зелени. Ниже вензелей были следующие надписи: “Въезжай, великий, богом спасаемый гость! Осчастливь и освети нас сиянием своего света, как могучее солнце”, и с другой стороны арки: “Да не забудет киргизский народ настоящего радостного события во веки веков”. Между средними и малыми воротами были изображены: справа – государственный герб, а слева – герб Тургайской области. Арка была украшена русскими флагами. По обеим сторонам дороги от триумфальной арки до здания Государственного коннозаводства были расположены киргизские кибитки, обтянутые белыми кошмами и украшенные флагами. Между кибитками, на протяжении всей дороги, были развешаны гирлянды из цветных фонарей, и перед кибитками постланы дорожные ковры, а по краям дороги были расставлены плошки. Прямо против балкона того здания, которое было предназначено для помещения его имп<ераторского> высочества, между двумя кибитками возвышался транспарант с изображениями государя императора, государыни императрицы и наследника цеса-

⁴⁴ Путешествие е. и. в. наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 8 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1186. С. 250.

⁴⁵ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 9, 10 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1188. С. 296.

ревича. Правее виднелся глобус, на котором отмечены: Борки⁴⁶ и Отсу⁴⁷, а вверху – ангел-хранитель, бодрствовавший и охранявший августейшее семейство на всех его путях.

Днем 24 июля свирепствовала сильная буря, утихшая за полчаса до прибытия его имп<ераторского> высочества, что дало возможность зажечь приготовленную иллюминацию, которая, при массе разноцветных и бенгальских огней, представляла эффектное зрелище, никогда еще до сих пор не виданное в киргизской степи.

Подъехав к триумфальной арке, его имп<ераторское> высочество был встречен военным губернатором Тургайской области генерал-майором Барабашем и, приняв от него почетный рапорт, изволил проследовать к арке, перед которой его ожидали начальствующие лица области. По другую сторону арки стояли воспитанники уездной школы с инспектором народных училищ области во главе, далее волостные управители, аульные старшины, судебные бии и аксакалы, за исключением тех, которые находились в числе выборных для поднесения его имп<ераторскому> высочеству хлеба-соли. Из среды этих выборных, в числе 12 человек, честь поднесения его имп<ераторскому> высочеству хлеба-соли выпала на долю бывшего правителя Средней орды отставного генерал-майора султана Баймухамедова.

Когда его имп<ераторское> высочество изволил подойти к выборным, генерал Баймухамедов обратился к нему с приветствием на киргизском языке, тотчас же переведенном на русский язык состоящим при военном губернаторе переводчиком. <...>

Хлеб-соль была поднесена его императорскому высочеству на серебряном вызолоченном блюде с эмалью, украшенном рисунками из быта киргиз, вензелем наследника цесаревича, гербами государственным и Тургайской области и соответствующими надписями.

Милостиво выслушав приветствие и приняв хлеб-соль, его имп<ераторское> высочество благодарил за выраженные чувства и изволил направиться чрез арку к киргизским депутатам, стоявшим в указанном выше порядке. Затем его имп<ераторское> высочество изволил сесть в экипаж и направился к назначенному для него помещению.

На следующее утро, 25 июля, наследник цесаревич изволил выйти на террасу, обращенную в сад, в котором депутацией от киргизского населения области был подведен его имп<ераторскому> высочеству превосходный скакун золотисто-гнедой масти. Лошадь была оседлана дорогим седлом киргизской работы, отделанным золотом, серебром и разноцветными камнями. Его имп<ераторское> высочество изволил милостиво принять от киргизов этот подарок, причем обратился к лицам, подводившим лошадь, со словами: “Спасибо за подарок”.

Затем его имп<ераторское> высочество осматривал здесь же в саду заводских жеребцов тургайской конюшни и присутствовал на скачках лошадей и верблюдов, будучи особенно заинтересован последними, которые прошли дистанцию 4 версты в 7 минут, а лошади 24 версты – в 38 минут. Его имп<ераторское> высочество изволил, кроме установленных призов, подарить владельцам лошадей и верблюдов, взявших первые призы, серебряные часы с таковыми же цепочками, а мальчику, скакавшим на верблюдах, по золотому полуимпералу⁴⁸.

По окончании скачек наследник цесаревич изволил собственноручно раздавать киргизам дорогие награды, состоявшие из драгоценных перстней, золотых медалей и золотых часов с таковыми же цепочками, сопровождая вручение их миро-

⁴⁶ Борки – железнодорожная станция под Харьковом, где в 1888 г. произошло крушение поезда с царской семьей.

⁴⁷ Оцу – японский город, в котором было совершено покушение на цесаревича Николая Александровича во время его путешествия по Японии в 1891 г.

⁴⁸ Полуимперал – золотая монета номиналом 5 руб.

стивыми словами: “Вот вам на память от меня”. Раздав награды, его имп<ераторское> высочество изволил сесть в экипаж и проследовать к триумфальной арке, милостиво отвечая на приветствия и низкие поклоны киргизских депутаций. Огромная толпа народа, следовавшая со всех сторон за экипажем наследника цесаревича, состоявшая преимущественно из русских, оглашала воздух восторженным “ура”.

Нужно заметить, что киргизы, по обычаю, не почитают громкое выражение восторга пред августейшими особами, а поэтому как при встрече, так и при проходах его имп<ераторского> высочества киргизы оставались в глубоком почтительном и благоговейном молчании.

Проехав арку, его имп<ераторское> высочество остановился на том месте, где стояли выборные киргизы, местная администрация и военный губернатор, и, выйдя из экипажа, обратился к этим лицам с следующими словами: «Пребывание мое в Тургайской области оставит во мне самое приятное воспоминание. Еще раз благодарю вас и прошу передать мою сердечную благодарность народу».

Затем, милостиво простившись с означенными лицами, его имп<ераторское> высочество сел в экипаж и в 10 ½ ч. утра изволил отбыть через г. Орск в г. Оренбург, восторженно приветствуемый киргизами, глубоко тронутыми приветливостью и милостями первородного царского сына»⁴⁹.

И хотя в Оренбурге не планировались (и не состоялись) встречи с казахами, так как губерния давно перестала считаться пограничной и военно-народного управления не имела, встреча наследника здесь была обставлена с необычной для внутренней территории империи пышностью. Итак, Николай Александрович прибыл в Оренбург в 6 часов вечера 26 июля. Вот что сообщала «Всемирная иллюстрация» об этом событии: «При въезде в Оренбургскую станицу, в форштадте, оренбургским казачьим сословием была сооружена триумфальная арка, увитая гирляндами зелени и цветов и украшенная флагами; по сторонам арки были помещены надписи следующего содержания: справа – “Да шествует во славе на радость и счастье верноподданных его императорское высочество обожаемый благоверный государь наследник цесаревич, августейший атаман казачьих войск, из далекого трудного пути, предпринятого для блага России. Да благословит Всевышний благие начинания и дальнейшие пути его высочества и сохранит драгоценную жизнь государя наследника на многая, многая лета на радость любвеобильному царю и на благо народов”, и слева – “Да запечатлится в сердцах наших и пребудет незабвенным радостный достопамятный день милостивого посещения его императорским высочеством 26 июля 1891 г. станицы Оренбургской. От верноподданных торговых казаков Оренбургской станицы”. Его императорское высочество был встречен у этой триумфальной арки наказным атаманом Оренбургского казачьего войска и депутацией от казаков, поднесшей наследнику цесаревичу хлеб-соль. <...>

При въезде в Оренбург, у новой триумфальной арки, его императорское высочество ожидала городская депутация с хлебом-солью; огромные толпы народа, население Оренбурга и окрестных станиц, а также собравшиеся издалека для этого торжественного дня жители Оренбургской губернии заполняли улицы города по всему пути, каким должен был проследовать, по расписанию, государь наследник цесаревич. Прекрасная погода еще увеличивала радостное настроение города. Громовое «ура» встретило наследника всероссийского престола, когда его императорское высочество приблизился к арке. По улицам, убранным флагами и зеленью, уставленным шпалерами из учащихся всех оренбургских учебных заведений, мужских и женских, полным неисчислимыми толпами народа, его императорское высочество

⁴⁹ Путешествие его императорского высочества наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 9, 10 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1188. С. 297–298.

чество проследовал к кафедральному собору; воспитанники и воспитанницы учебных заведений пели гимн и усыпали цветами дорогу высокого гостя. <...>

Из собора наследник цесаревич проехал в дом начальника губернии; здесь последовал прием депутаций от дворянства, купечества, крестьян, башкир и от Илецкой Защиты, удостоившихся поднести его императорскому высочеству хлеб-соль...»⁵⁰.

Вечером 27 июля пришло время оставить гостеприимный Оренбург. Железнодорожный «вокзал был роскошно иллюминирован; перед ним была воздвигнута триумфальная арка, на которой была составлена из огней надпись: «Привет желанному». Экстренный поезд ожидал высокого путешественника для следования в Уральск»⁵¹.

Встреча цесаревича в Оренбурге, действительно, была кульминационной. Даже в Уральске, который праздновал знаменательный юбилей Уральского казачьего войска, Николай Александрович удостоился лишь двух триумфальных арок и те не со столь панегирическими надписями:

«Государь наследник цесаревич прибыл в г. Уральск 29 июля около 6 часов вечера при колокольном звоне и пушечной пальбе. <...> На Туркестанской площади, у построенной триумфальной арки, его имп<ераторскому> высочеству была поднесена хлеб-соль на серебряном блюде от купцов, мещан и крестьян г. Уральска. На триумфальной арке со стороны въезда виднелась надпись: «Государю наследнику цесаревичу Николаю Александровичу», а сверху арки помещен государственный герб с изображением по бокам его годов 1591–1891⁵²; с противоположной стороны находилась надпись: «Верноподданные жители Уральска», и сверху надписи был помещен герб Уральской области»⁵³.

Очередное «великолепное серебряное блюдо» наследнику поднесли высшие чины и депутаты от казачьего войска в доме наказного атамана, в котором остановился цесаревич. На следующий день цесаревич принял участие в открытии школы в войсковом хуторе. А далее последовала встреча с местными киргизами: «С хутора наследник цесаревич изволил проследовать за Урал к киргизам, где, после представления ему киргизских властей, его имп<ераторское> высочество взошел в принесенную ему в дар киргизами кибитку и здесь изволил кушать предложенный ему кумыс из серебряного кувшина с двумя чашками. Здесь же киргизы подвели в дар его имп<ераторскому> высочеству двух лошадей под седлами с бархатными расшитыми серебром и золотом попонами работы киргизок»⁵⁴.

31 августа состоялось собственно празднование 300-летия Уральского казачьего войска с литургией, закладкой храма, показательным плавенным рыболовством, обедом в особом павильоне и демонстрацией еще одной триумфальной арки с надписью «Августейшему атаману – уральские казаки», а также с государственным и войсковым гербами и датами – «1591–1891».

Детальные пересказы в прессе церемоний встречи наследника-цесаревича с подданными убеждают, что они были практически идентичны рассмотренным выше церемониям туркестанского генерал-губернатора: та же пышность и яркость мероприятий, организованные шпалеры местных чиновников и массы простых людей, военные смотры или высочайшие посещения лагерей, возведение триумфальных арок и беседок, встреча с представителями коренного населения, принятие от

⁵⁰ Путешествие е. и. в. государя наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 11 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1189. С. 303.

⁵¹ Там же.

⁵² 300-летие Уральского казачьего войска.

⁵³ Путешествие е. и. в. государя наследника цесаревича через Сибирь. Ч. 12 // Всемирная иллюстрация. 1891. № 1190. С. 323.

⁵⁴ Там же.

него подарков, посещение увеселений, устроенных для местных нерусских жителей. Однако имелись и отличия. Они подчеркивали большую, фактически историческую, значимость момента. Речь идет о посещении военных, общественных, благотворительных и учебных заведений, участии цесаревича в освящении памятников и вновь возведенных культовых сооружений, нарочитом пафосе и блеске экстерьера мероприятий (фейерверки, огромные портреты, транспаранты, иллюминация и пр.). Некоторые элементы этих церемониалов со временем были восприняты и переработаны новой большевистской властью России⁵⁵.

Выводы

Итак, знакомство с конкретными примерами встречи центральноазиатских подданных с наследником престола позволяют выделить следующие важнейшие их составляющие: встреча с начальством, с представителями русского и коренного населения, с предпринимателями и учащимися, военные демонстрации разного рода и посещение православных и других культовых святынь. Все это ради демонстрации единения общества с монархией, ее силы и величия. Обязательные атрибуты – императорские портреты, гербы, вензеля и триумфальные арки. В качестве изысков – иллюминация и праздники коренного населения. Встречи с последним становились главным элементом публичного общения с населением туркестанского генерал-губернатора, олицетворявшего собой верховную власть в Туркестанском крае.

Все эти мероприятия вполне укладывались в государственную идеологему «самодержавие – православие – народность» и служили ее укоренению в массах за незначительным изменением применительно к Туркестану, где власти придерживались тактики игнорирования ислама⁵⁶ и некоторого сдерживания православного прозелитизма, отсюда – центральный элемент триады минимизировался. С другой стороны, церемонии встреч с туркестанским генерал-губернатором сопровождались усиленной демонстрацией величия русского оружия и презентацией мощи административного аппарата. Остается загадкой, почему на самой величественной и богато украшенной арке перед въездом в Орск надпись «Да не забудет киргизский народ настоящего радостного события во веки веков» красовалась на русском языке. Не исключено, что это было косвенным напоминанием русским поселенцам об их особой миссии в регионе.

Рукопись поступила: 5 февраля 2020 г.

Submitted: 5 February 2020

Библиографический список

- Алимджанов Б.А.* Дискуссии вокруг промышленной политики Российской империи в Туркестанском генерал-губернаторстве // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 1. С. 18–22.
- Арапов Д.Ю., Васильев Д.В.* Проекты устройства Управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 150–174.
- Бахтурина А.Ю.* А.Н. Куропаткин и среднеазиатское восстание 1916 г. // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 3. С. 65–74.

⁵⁵ *Рябов А.В.* Художник и власть (борьба и сотрудничество, 1918–1932 гг.). СПб., 2000. С. 26–27, 32–34.

⁵⁶ *Арапов Д.Ю., Васильев Д.В.* Проекты устройства Управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 150–174.

- Брежнева С.Н.* Генерал М.Г. Черняев: личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2014. № 1. С. 106–117.
- Васильев Д.В.* Китайский вопрос в Русском Туркестане: к истории российской администрации в Илийском крае // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 449. С. 93–101.
- Васильев Д.В.* Русский Туркестан: судьба и власть (туркестанские генерал-губернаторы в 1865–1886 годы) // *Азиатская Россия: люди и структуры империи: сборник научных статей к 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева*. Омск: ОмГУ, 2005. С. 351–392.
- Васильев Д.В., Любичанковский С.В.* Русская власть в Туркестанском крае: визуализация имперского пространства как фактор аккультурации // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2018. № 54. С. 17–26.
- Волкова М.А.* Символы власти в русской художественной культуре XVIII века // *Вестник МГУКИ*. 2009. № 3. С. 74–77.
- Захарова О.Ю.* Власть церемониалов и церемониалы власти в Российской империи XVIII – начала XX века: Коронации, дипломатические приемы, высочайшие выходы, военные парады, рыцарские карусели, церемониальные застолья, балы. М.: АиФ Прин, 2003. 398 с.
- Захарова О.Ю.* Государственный церемониал как программа власти. М.: Центрполиграф, 2014. 381 с.
- Зимин И.В.* Царская работа. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Издательство Центрполиграф, 2011. 638 с.
- Колокольцев Д.Г.* Воспоминания генерал-лейтенанта Колокольцова 1887 года. (О Константине Петровиче Кауфмане). М.: [Б. и.], 1887. 36 с.
- Коновалов В.В., Макеев Д.А.* Средства массовой информации об освоении Россией среднеазиатских владений (середина 1870-х годов) // *Вестник ВлГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки*. 2017. № 1. С. 7–13.
- Котюкова Т.В.* Алексей Николаевич Куропаткин – последний туркестанский генерал-губернатор // *Мир политики и социологии*. 2018. № 2. С. 27–50.
- Крылова Е.Е.* Первые выставки среднеазиатских работ В.В. Верещагина в периодической печати и проблема интерпретации произведений туркестанского цикла // *Знание. Понимание. Умение*. 2015. № 4. С. 335–342.
- Лисицына Н.Н.* Расширение Российской империи в Центральной Азии и восприятие русских и России населением Туркестана (вторая половина XIX в.) // *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология*. 2014. № 2. С. 26–30.
- Почакаев Р.Ю.* Губернаторы и ханы. Личностный фактор правовой политики Российской империи в Центральной Азии: XVIII – начало XX в. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 384 с.
- Почакаев Р.Ю.* Особенности административного развития Илийского края в 1871–1881 гг.: между традициями и фронтальной модернизацией // *Общество и государство в Китае*. 2016. Т. 46. № 2. С. 531–542.
- Почакаев Р.Ю.* Особенности правового положения Илийского края в 1760–1860-е гг. // *Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки*. 2018. Т. 20. № 4. С. 152–166.
- Рябов А.В.* Художник и власть (борьба и сотрудничество, 1918–1932 гг.). СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. 310 с.
- Схиммельпэнник ван дер Ойе Д.* Русский ориентализм. Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 287 с.
- Уортман Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М.: ОГИ, 2004. 608 с.
- Шадманова С.Б.* Образ мусульманских учебных заведений на страницах периодической печати Туркестана (конец XIX – начало XX вв.) // *Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 110-летию медресе «Галия»*. Уфа: Мир печати, 2016. С. 146–154.

References

- Alimdzhanov, V.A. “Discussions around the industrial policy of the Russian Empire in Turkestan Governor General.” *History magazine: researches*, no. 1 (2017): 18–22 (in Russian).

- Arapov D.Yu., and Vasil'yev, D.V. "Projects of the organization of the Office of Muslim Spiritual Affairs in Turkestan. Documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. 1900." *Historical archive*, no. 1 (2005): 150–174 (in Russian).
- Bakhturina, A.Yu. A.N. "Kuropatkin and the Central Asian Uprising of 1916." *Jurisprudence: history and modernity*, no. 3 (2019): 65–74 (in Russian).
- Brezhneva, S.N. "General M.G. Chernyaev: personality against the background of military campaign on Russia's conquest of Turkestan." *RUDN Journal of Russian History*, no. 1 (2014): 106–117 (in Russian).
- Kolokol'tsev, D.G. *Vospominaniya general-leytenanta Kolokol'tsova 1887 goda. (O Konstantine Petroviche Kaufmane)*. Moscow: [S.n.], 1887 (in Russian).
- Kononov, V.V., and Makeyev, D.A. "Mass media about Russia's development of authorities of Middle Asia (the middle of the 1870-s)." *Vestnik of Vladimir State University*, no. 1 (2017): 7–13 (in Russian).
- Kotyukova, T.V. "Alexey Nikolaevich Kuropatkin – the last Turkestan Governor General." *The World of Politics and Sociology*, no. 2 (2018): 27–50 (in Russian).
- Krylova, Ye.Ye. "First exhibitions of V.V. Vereshchagin's works from Central Asia in press and the problem of the Turkestan series interpretation." *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 4 (2015): 335–342 (in Russian).
- Lisitsyna, N.N. "The expansion of the Russian Empire in Central Asia and the perception of Russians and Russia by the population of Turkestan (second half of the twentieth century)." *Moscow State Pedagogical university and the Sholokhov*, no. 2 (2014): 26–30 (in Russian).
- Pochekayev, R.Yu. *Gubernatory i khany. Lichnostnyy faktor pravovoy politiki Rossiyskoy imperii v Tsentral'noy Azii: XVIII – nachalo XX v. M.: Izd. Dom Vyshey shkoly ekonomiki Publ., 2017* (in Russian).
- Pochekayev, R.Yu. "Features of the administrative development of the Ili region in 1871–1881: between traditions and frontier modernization." *Society and State in China* 46, no. 2 (2016): 531–542 (in Russian).
- Pochekayev, R.Yu. "Features of the legal status of the Ili region in the 1760–1860s." *Journal of the Ural Federal University. Series 2. Humanities* 20, no. 4 (2018): 152–166 (in Russian).
- Ryabov, A.V. *Khudozhnik i vlast' (bor'ba i sotrudnichestvo, 1918–1932 gg.)*. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2000 (in Russian).
- Skhimmel'pennink van der Oyye, D. *Russkiy oriyentalizm. Aziya v rossiyskom soznanii ot epokhi Petra Velikogo do Beloy emigratsii*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019 (in Russian).
- Shadmanova, S.B. "Obraz musul'manskikh uchebnykh zavedeniy na stranitsakh periodicheskoy pechati Turkestana (konets XIX – nachalo XX vv.)." In *Idealy i tsennosti islama v obrazovatel'nom prostranstve XXI veka: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 110-letiyu medrese «Galiya»*, 146–154. Ufa: Mir pechati Publ., 2016 (in Russian).
- Uortman, R.S. *Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoy monarkhii*. Moscow: OGI Publ., 2004 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. "The Chinese Question in Russian Turkestan: On the History of the Russian Administration in the Ili Region." *Tomsk State University Journal*, no. 449 (2019): 93–101 (in Russian).
- Vasilyev, D.V. "Russkiy Turkestan: sud'ba i vlast' (turkestanskiye general-gubernatory v 1865–1886 gody)." In *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii: sbornik nauchnykh statey k 50-letiyu so dnya rozhdeniya professora A.V. Remneva*, 351–392. Omsk: OmGU Publ., 2005 (in Russian).
- Vasilyev, D.V., and Lyubichankovskiy, S.V. "Russian power in the Turkestan region: visualization of the imperial space as a factor in acculturation." *Tomsk State University Journal. History*, no. 54 (2018): 17–26 (in Russian).
- Volkova, M.A. "Symbols of power in the Russian art culture of the XVIII century." *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*, no. 3 (2009): 74–77 (in Russian).
- Zakharova, O.YU. *Vlast' tseremonialov i tseremonialy vlasti v Rossiyskoy imperii XVIII – nachala XX veka: Koronatsii, diplomaticheskiye priyomy, vysochayshiy vykhody, voyennyye parady, rytsarskiye karuseli, tseremonial'nyye zastol'ya, baly*. Moscow: AiF Prin Publ., 2003 (in Russian).
- Zakharova, O.YU. *Gosudarstvennyy tseremonial kak programma vlasti*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2014 (in Russian).
- Zimin, I.V. *Tsarskaya rabota. XIX – nachalo XX v. Povsednevnyaya zhizn' Rossiyskogo imperatorskogo dvora*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2011 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Васильев Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Dmitry V. Vasilyev, Doktor Istoricheskikh Nauk [Dr. habil. hist.], Professor of the Department of Russian History, Moscow City University.

Рябов Александр Вячеславович, кандидат культурологии, заведующий кафедрой философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России.

Aleksandr V. Ryabov, Kandidat Kul'turologii [Ph.D. in Cultural], Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, St. Petersburg University of the State Fire Service EMERCOM of Russia.